

«Вечерняя Москва»

— 1992 — 18 февр

Петросян о жизни и юморе

Э ТОТ монолог я записала за кулисами. Он происходил перед выходом на сцену Евгения Петросяна. Задала ему всего один вопрос, который когда-то составил название его спектакля: «Как поживаете?»

— Грустно. И причин для этого много. Когда произошли августовские события, к нам всем пришлось «второе дыхание». Мне казалось, что тогда у «Белого дома» собрал-

тицу, и все это не превратит нас в злодеев, не озлобит до такой степени, что мы от отчаяния возьмем дубину и начнем дубасить друг друга, если мы, вопреки всему происходящему, сохраним доброту и сострадание к слабому — Господь повернется к нам, и тогда, может быть, мы начнем жить достойно.

И только тогда могут оправдаться предсказания некоторых астрологов: «За Россией будущее!».

Я НЕ ЗРЯ тут жалуясь. Дело в том, что у меня свой театр, и я на сегодняшний день, честно признаюсь, не знаю, на каком я свете. Поскольку все поставлено на производственную основу: зарплату в театре Петросяна получают 40 человек, в том числе и авторы: с которыми я сотрудничаю, я сегодня не знаю — банкрот я или еще нет. Такое мое неведение объясняется тем, что счета,

ДУРАКИ ЛИ МЫ ВСЕ?

ся цвет нации... Я даже изменил название своего сатирического спектакля «Дураки мы все»... из-за этих парней, из-за их пролитой крови. Мне такая «уравниловка» показалась безнравственной. Спектакль стал называться «Дураки мы не все». Я уверен, что зритель понял ту новую смысловую окраску, которая стояла за этой частичей НЕ.

Прошло какое-то время, и я увидел, что поторопился... Сама жизнь показывает, что мы по-прежнему остались дураками — я употребляю этот термин как нравственный, а не медицинский!

Мне мою гражданскую позицию после августа менять не пришлось: я всегда шел с теми, кто держал оборону у «Белого дома».

Есть что-то в нашей повседневности половинчатое... И мы до сих пор не понимаем: третьего-то не дано. Первое — это труд из-под палки при социализме, второе — капитализм, но желательно не дикий, как у нас намечается, а цивилизованный, основанный на справедливой форме: у каждого равные возможности, и каждому оплата по сделанному, а не по символическому труду. Что тут выбирать?

А мы все проводим эксперименты... Наш народ так измучен, что даже призывать его к экспериментам — дело, на мой взгляд, безнравственное. Конечно, мне могут возразить: якобы другого выхода нет и, если не делать того, что делается, то будет еще хуже. Возможно. Но раз уже решились на этот «переход», делать его надо оптимально и продуманно. Рынок без приватизации — абсурд. У нас не подготовлены мелкие предприятия, которые должны давать какую-то нужную людям продукцию...

МЫ ОЧЕНЬ много говорили о социализме, не ведая, что это такое. Рассуждали об эксплуатации там, за кордоном, оставаясь самими безжалостными эксплуататорами собственного народа.

Мы никогда не знали грани между спекуляцией и бизнесом. Мы всегда твердили: все во имя человека... Это при страшной nivelровке личности... Мы никогда не ценили таланты, признавая их после смерти или через аплодисменты Запада.

Печально, что понятие Отечества мы всегда путали с государственной системой. И если кто-то критиковал систему, мы говорили: он не любит Отечество.

Мы провозглашали красивые лозунги, совершенно не вникая в их смысл. Земля — крестьянам! Когда это было сказано? Землю крестьянам до сих пор не отдали, но требуем сытой жизни. Откуда? У нас самая большая земельная территория, да если хоть 10 процентов ее продать, я не говорю отдать своему же народу...

Я — верующий человек. И я верю, что если мы выдержим самые суровые испытания: бешенство цен, дефицит всего на свете, безрабо-

У СТАЛИ. Все мы устали. Каждый из нас, независимо от национальности, пола, возраста, социального положения, хочет только одного — жить по-человечески. И вот мне хочется спросить: знаем ли мы, что это такое? Как это: жить по-человечески? Спать до 11 часов? Есть парное мясо и осетрину? Поменьше работать — побольше получать, да? Иметь нормальные жилищные условия и хорошо одеваться и питаться?..

Жить по-человечески — это, по моему, воспитывать счастливых детей и уважать своих стариков. Слушать хорошую музыку и покупать хорошие книги по нормальной, а не сумасшедшей цене...

Жить по-человечески — это уважать свои законы, но только так, чтобы и закон уважал тебя.

Долгий и трудный путь предстоит нам пройти к этой жизни, но первый шаг уже сделан — отступить некуда. И чего только мы не придумываем, чтобы топтаться на месте и усложнить этот путь!

ЧТО касается вопроса, можно ли смеяться в это трудное время и нужен ли народу сейчас жанр, в котором я работаю, то я скажу так: он сейчас просто необходим. К сожалению, часто приходится слышать, что сатирические кощунственно смеются над бедями и недостатками Отечества.

Давайте разберемся: во-первых, мы смеемся, кстати, вместе со зрителем, не над Отечеством. Во-вторых, когда, пусть даже сквозь слезы, человек смеется над собой, он становится добрее и сильнее. Над собой смеются только сильные. И когда смеется весь зал — это очень обнадеживает и вселяет веру в наш народ. В-третьих, юмор в трудное время выполняет нравственную функцию: при радости человек счастлив и без шуток со стороны, а вот когда наступают тяжелые времена, его надо развлечь, надо вселить в него надежду.

Все знают то, что сделалось смешным, перестает быть страшным. А то, что иногда смеемся сквозь слезы, так в народе справедливо говорят: поплачь — легче станет. Уметь шутить — это Божий дар, и грех им не пользоваться. Вот почему я считаю, что занимаюсь сегодня делом нужным и важным.

Итак, я надеюсь, что вы разделяете мою уверенность в том, что юмор нам сейчас необходим. Но жаль, что он находится сегодня в положении довольно трудном. Дело в том, что мы не имеем ни возможности, ни морального права повышать цены на билеты в той пропорции, с которой мчится ввысь инфляция. Не секрет, что сокращается общее количество концертов на гастролях — народ думает о продуктах, боится поздно возвращаться домой, транспорт в городах по примеру столицы работает не только плохо, но и по-прежнему безынициативно...

предъявляемые театру, увеличиваются в десятки раз...

И еще одно соображение о нужности или ненужности юмора в наше время. Очевидно, что наше телевидение не учитывает его особенностей и открыто пренебрегает юмористическими передачами. Они ему не нужны. Экран заполнили фильмы ужасов, в высшую степень возведена популяризация жестокости.

Я считаю, что это недопустимо в данное время для нашего Отечества. Такие зрелища могут иметь право на показ только в здоровом обществе, где счастливые люди могут позволить «пощекотать» себе нервы. И если учесть, что на телевидении работают профессионалы, то можно подумать, что от положительных эмоций народ ограждают сознательно.

И вот на экране чуть ли не весь вечер торчат одни «говорящие головы», которые хором советуют нам «потуже затянуть пояс». Где их затянуть? На шею, что ли? Зато ближе к полночи начинается сплошная развлекаловка. Человек слаб: он не может устоять перед соблазном интересного фильма или эстрадного шоу — отсюда утром головная боль и «нулевая» продуктивность на работе.

Но вернемся к нашим непосредственным трудностям. Зрители наверняка решат, что я дарю им новый анекдот, если вдруг со сцены честно скажу, сколько стоит публикация в газете объявления о моем выступлении...

Пресса! Помилуй нас, мы же не кооператоры, у нас же государственное учреждение! Но откуда я возьму эти рубли, пусть хотя бы деревянные, я пока не знаю. Если только цены на билеты приравнять к цене на колбасу?..

Вот только поймет ли тогда меня зритель?

Надеюсь, я ответил на ваш вопрос: «Как поживаете?».

Записала
Галина ЗАМКОВЕЦ.